

УДК 39(571.54/55)
ББК Т 5-3 (2р54)

Арте́м Вади́мович Жуков¹,
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Алена Алексе́евна Жукова,
кандидат философских наук, научный сотрудник,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Проекции и рецепции образов Китая в обыденном сознании российского населения Байкальского региона с XVII по XX вв.

В статье впервые проводится попытка исследования восприятия Китая и китайцев россиянами, проживающими в Байкальском регионе. Задачей статьи является анализ рецепции образов Китая населением российско-китайского приграничья. Авторы доказывают, что на особенности формирования образов Китая в этом регионе влияли факторы, сложившиеся под влиянием естественных обстоятельств и практических требований, и лишь в отдельные периоды преобладали политические мотивы, исходящие от российского центра. Новизна статьи определяется авторской концепцией о том, что массовое сознание подвергается воздействию проекций и воспроизводит значительное количество рецепций образов Китая. Данный диалог редко сводится к упрощённой дихотомии «Свой–Чужой» и чаще формирует более сложные по составу конструируемые. Авторы доказывают, что образы Китая в сознание населения Байкальского региона привносили русские, побывавшие за китайской границей; китайцы, переносившие элементы своей культуры на российские территории; политическое влияние, исходившее из российского центра, а также Китай, прилагающий усилия, направленные на распространение образов Китая и китайцев на соседние регионы, что на территории России стало ощутимым, начиная с 90-х гг. XX в. Результатом исследования является выделение таких этапов эволюции восприятия образов Китая, как: период до российской колонизации, период колонизации, период после установления русско-китайской границы, период второй половины XIX в. до октябрьской революции, советский и постсоветский периоды. Практическое значение статьи заключается в доказательстве того, что при осуществлении стратегии проецирования образов Китая необходимо учитывать естественно-практические интересы населения российско-китайского приграничья.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье, российское население Байкальского региона, факторы формирования образов Китая, восприятие образов Китая, периоды эволюции восприятия образов Китая, межкультурный диалог, массовое сознание.

Artem Vadimovich Zhukov²,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Alena Alekseyevna Zhukova,
Candidate of Philosophy, Researcher,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Projections and Receptions of Chinese Images on Everyday Consciousness of the Russian Population in the Baikal Region from XVII till XX Centuries

In the article an attempt to investigate China and the Chinese by the Russians living in the Baikal region is given. The aim of the article is to analyze the reception of China image by the population of the Russian – Chinese trans-border. The authors prove that the peculiarities of China

¹Жуков А. В. – основной автор, является организатором проекта, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

²Zhukov A. V. is the main author, research organizer, formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project.

images formation in this region are influenced by the factors generated under the influence of natural circumstances and practical requirements and only in certain periods of time the political motives emanated from the Russian center prevailed over them.

The novelty of the article is determined by the author's concept proving the fact that mass consciousness is subjected to the influence of projections and produces a great number of China images receptions. This dialogue is rarely reduced to reductive dichotomy «Own - Alien» and often forms more complicated constructions.

The authors prove that China images in consciousness of the population of the Baikal region were brought to life by the Russians, who had been in China; the Chinese who transferred the elements of their culture to the Russian territories; political influence, which originated from the Russian center and also China making efforts directed to the distribution of China images and images of the Chinese on the neighboring regions. It has become noticeable since 90-es of the XX century.

The result of the research has become the extraction of such evolution stages of China images perception as: the period prior to the Russian colonization; the period of colonization; the period after fixing the Russian – China border; the period of the second half of the XIX century, prior to the October revolution; Soviet and Post-Soviet periods.

The practical meaning of the article consists in proving the fact that while performing the strategy of projecting China images it is necessary to take into account natural and practical interests of the population of the Russian – Chinese trans-border.

Keywords: the Russian-Chinese border line, Russian population of the Baikal region, factors of forming of characters of China, perception of characters of China, periods of evolution of perception of characters of China, cross-cultural dialogue, mass consciousness.

В России интерес к жизни китайского народа имеет глубокие корни, так как Китай, один из крупнейших соседей России на Востоке, обладающий огромным потенциалом, оказывает длительное и ощутимое влияние на политическую, культурную и религиозную жизнь россиян. В формировании представлений о Китае большую роль играет такая приграничная с Китаем территория России как Байкальский регион, определяющее значение для которого имеет наличие регионального рубежа Сибири, такого как озеро Байкал с одной стороны и границы с Китаем с другой [3, с. 7]. В течение длительного времени в силу географических, климатических и других особенностей пространства, прилегающие к Байкалу, были местом соседства китайского населения с многочисленными некитайскими народами. Интенсивные процессы взаимодействия культур продолжаются и сегодня, так как Байкальский регион является неотъемлемым элементом зоны трансграничья России, Северного Китая и Монголии. Именно эти территории в условиях социальной действительности XXI в. подвергаются целенаправленному, идеологическому воздействию со стороны Китая, который предпринимает целенаправленные усилия для реализации программы расширения «китайского культурного круга» [17, с. 7].

Предметом проводимого анализа являются образы, распространённые среди рос-

сийского населения Байкальского региона и содержащие информацию о Китае и китайцах. Мы полагаем, что факторами, влияющими на восприятие Китая со стороны российского населения региона, являются геополитические условия бытования, культурные контакты, а также целенаправленное идеологическое воздействие, осуществляемое со стороны организованных групп, представляющих интересы государств или корпорация в политических, экономических, культурных и иных целях. Об актуальности исследований процессов восприятия образа Китая свидетельствует то, что эта тема всё чаще озвучивается в трудах известных востоковедов, таких например, как В. Л. Лукин [16], А. Г. Ларин [14] и В. Г. Дацишен [8], где данный вопрос обсуждается в контексте общероссийского дискурса. Региональные аспекты, связанные с восприятием образа Китая на Дальнем Востоке, поднимаются в исследованиях А. П. Забияко [10], О. В. Бузмаковой [2]. Однако проблема восприятия Китая населением Байкальского региона остается не изученной. Поэтому задачей данной статьи является диахронический анализ процессов проекции, рецепции и воспроизводства образов Китая на указанной территории.

Важно отметить, что целенаправленного проецирования образов Китая в массовое сознание русских, проживающих на территории Байкальского региона, дли-

тельное время не осуществлялось. Однако процессы восприятия этих идей шли, и осуществлялись они посредством контактов представителей различных культур, что было обусловлено неизбежными процессами аккультурации. Первый период процессов восприятия образа Китая в данном регионе характеризуется прибытием первых русских переселенцев, главным образом, казаков. Он был связан с российской колониальной экспансией, начавшейся в XVII в., которая изменила этносоциальную ситуацию у северных рубежей Китая и привела к увеличению русско-китайских контактов [14, с. 21].

В это время ни Китай, ни Россия целенаправленно не занимались конструированием и распространением взаимных образов, которые проявлялись в сознании населения в силу естественных условий взаимодействия и традиций, свойственных этим группам. Например, отношения между Россией и Китаем тогда определялись военным противостоянием, однако восприятие образа Китая в рамках культуры казачества не всегда совпадало с образом «врага». Как видно из текста наказной памяти, данной послу И. Милованову, нерчинском воеводе Д. Аршинским, Китай воспринимался казаками как слабый в военном отношении сосед, который нуждается в покровительстве и защите. В соответствии с этими представлениями, Аршинский предложил богдыхану вступить в подданство русскому царю, который «учнет богдокана жаловать и держать в своем царском милостивом призрении и от недругов ево в оборони и в защищении...» [30, с. 35]. И впоследствии, когда маньчжурские войска вступили на земли, подконтрольные казакам, последние не воспринимали Китай только как «врага». Скорее их восприятие было ближе к образу «чужого», но такого, с которым возможно вести переговоры и осуществлять определенное взаимодействие. Примером этого является судьба албазинских казаков, которые первоначально упорно противостояли маньчжурским войскам, а затем оказались вывезены в Китай, где получили условия для учёбы, торговли и даже проповеди. Со временем албазинцы взаимодействовали с социальным окружением на территории Китая, и в частности брали жён, как правило, из среды маньчжур [22].

Второй период эволюции процессов рецепции китайских образов обыденным

сознанием русских в Байкальском регионе начался в эпоху, наступившую вслед за установлением русско-китайской границы. Важнейшим этапом в истории формирования образов Китая в сознании русских является подписание Нерчинского договора в 1689 г., пятая статья которого установила, что подданные России и Китая, могут переходить границу и заниматься торговлей. После того, как Китай и Россия заключили Кяхтинский трактат, российское правительство стало посылать своих представителей (православных миссионеров, купцов, занимавшихся приграничной торговлей, учащихся) в эту страну [18, с. 123]. Таким образом, указанный договор привёл к формированию устойчивых торговых и культурных связей между населением различных территорий, которое воспринимало друг друга как далеко не однозначных, но равноправных партнеров [14, с. 22].

Российское население Байкальского региона, начиная с этого времени, всё более активно интересовалось загадочным Восточным соседом. При этом, если изначальный интерес в основном удовлетворялся посредством рассказов торгового сословия, побывавшего в Поднебесной, то в последующий период тема Китая получила более широкое и детализированное освещение. В первой половине XIX в. российское общество следило за выпуском произведений и статей в региональных изданиях, которые описывали нравы и обычаи Поднебесной [12, с. 3]. Так, на страницах иркутских периодических изданий А. А. Кружалина отмечает наличие реплик подобного рода: «китайское гостеприимство», «предприимчивые китайцы», «мы очень мало знаем внутреннюю жизнь наших соседей китайцев, но сведения о политическом устройстве Китая еще менее нам известны», «заколдованный великан», «на положение нашей торговли с Китаем нужно обратить очень серьезное внимание» [13, с. 55]. Как видим, тематика статей, посвященных Китаю, отражает то, что интерес к нему затрагивал самые разнообразные темы, от торговли и политики до культуры и обычаев китайцев. Важной видится констатация того, что в представленных образах действительно ощущается потребность местнорусского общества в обретении ещё более полной информации о Китае.

Третий период, начавшийся во второй половине XIX в., характеризовался тем, что

Россия, проявившая заинтересованность в привлечении китайцев для нужд хозяйственного освоения региона разрешила им селиться на своих землях [8, с. 44]. Это решение радикально повлияло на активизацию и особенности процессов формирования и распространения образов Китая. С одной стороны, для российских рынков труда появление такой рабочей силы, как неприспособленные и согласные на любые условия работы, китайцы было крайне привлекательно. С другой стороны, китайцев на российской стороне становилось всё больше и больше. Осознание этого факта пугало россиян, что приводило к появлению образов, в которых ощущались опасения. Об этой стране и всем, что связано с Китаем, говорили как о чём-то удивительном и важном, но вызывающем тревогу. Важно обратить внимание, что никто из русских не сомневался в объективной необходимости контактов с Китаем. Ведь торгово-предпринимательская деятельность китайских купцов буквально преобразовала приграничные территории [14, с. 22]. Кроме этого, в Россию вместе с китайскими купцами проникали доселе неизвестные здесь товары, например, чай [20, с. 141]. Эта деятельность служила источником положительных образов о Китае и чудесных свойствах китайских товаров.

Необходимо отметить, что в процессах конструирования образов Китая в это время сыграло изобретение такого важного инструмента, как русско-китайский пиджин, используемый для местного русско-китайского общения [29]. Его возникновение обусловлено тем, что в результате приграничного взаимодействия китайские образы, обогащая русский язык, проникли через заимствования, которые пополнили словарный запас русских [24]. Это выводило отношения между двумя приграничными этносами на более высокий уровень [19, с. 206]. В целом стихийно развивавшиеся процессы рецепции китайских образов в этот период были обусловлены практическими потребностями приграничного русско-китайского сообщества и способствовали формированию определенного приграничного единства. Впрочем, это не означало, что Китай и китайцы стали во всём признаваться русским населением за «своих». Со второй половины XIX в. российское государство начинает целенаправленно распространять проекции, в которых в зависимости от по-

литических условий, Китай мог выглядеть и как «друг» и как «враг». На появление и распространение образа Китая, таким образом, стал влиять политический фактор. При этом если для России с этого времени стало важным официальное определение своей позиции (первоначально оно было оформлено только законодательно, а затем появились и идеологические образы) по отношению к Китаю, то со стороны Китая ещё долгое время никаких попыток проецирования своих образов, кроме предложения дешевой рабочей силы и выгодных условий торговли, не зафиксировано [8, с. 43].

Во второй половине XX в. в связи с появлением и значительного количества китайских рабочих на территории Байкальского региона в региональной прессе был поднят так называемый «жёлтый вопрос», в процессе обсуждения которого обращалось внимание на тревожащие аспекты китайского присутствия [13, с. 55]. Так, иркутская газета «Восточное обозрение» выражала опасения в связи с тем, что «китайцы очутились у нас, перейдя даже центр [России], ближе к западу...» [4, с. 1]. Эти и подобные образы приводили к попыткам ограничить миграцию китайцев [23, с. 100]. Однако расширение торгово-экономических контактов и в частности, подписание в 1896 г. российско-китайских договоров о сотрудничестве и начале строительства КВЖД создавало условия, в которых сохранялось позитивное отношение россиян к своим соседям [11, с. 4].

В начале XX в. среди русских начала распространяться одна из первых целенаправленных идеологических проекций, распространяемая со стороны правительства, и позиционирующая Китай, как «врага» России. Этот образ воплотился в мифе о «жёлтой угрозе» [18, с. 123]. В отличие от рецептивных образов, возникавших в дискуссии по «жёлтому вопросу», которые обращали внимание на отдельные негативные последствия китайского присутствия, миф о «жёлтой опасности» чётко указывал на стремление Китая к военной агрессии. О «жёлтой опасности» впервые заговорили в 1900 г., когда над российским Забайкальем и Дальним Востоком нависла угроза, исходящая от движения ихэтуаней, и Китай приобрел образ опасного противника [21]. Затем политика вновь повлияла на массовое восприятие образа Китая. Тема «жёлтой угрозы» была актуализирована в 1905 г.

после русско-японской войны. Озвучивая эту проекцию П. А. Столыпин, председатель правительства России, заявлял, что пустынный Дальний Восток является привлекательным для густонаселённого Китая, поэтому, если русские не заселят его, то скоро он окажется занят чужестранцами [28, с. 33]. С этого времени получили распространение такие образы китайцев, как «разведчики», «тыловое войско», «система тайных обществ» этой страны [14, с. 22].

Актуализация негативных проекций в отношении Китая со стороны правительства имела значимые последствия, проявившиеся в запрете нанимать китайских рабочих на подённую работу, который вышел в 1910 г. Однако на практике отказ от труда китайцев приводил к финансовым потерям, и это сразу же отразилось на появлении большого количества мигрантов-нелегалов. Они находили работу повсеместно, и это служит показателем того, что соображения практического характера в обыденной жизни были преобладающими [6]. Дальнейшие события показали полную зависимость взаимного русско-китайского восприятия от бытийного контекста, потому что количество китайцев резко возросло в период Первой мировой войны, когда на территории всей страны ощущался недостаток рабочих рук [14, с. 23].

Таким образом, в период со второй половины XIX в. до октябрьской революции процессы формирования образов зависели от взаимодействия двух преобладающих факторов: во-первых, это практические условия, вытекающие из проживания местнорусского населения на приграничной с Китаем территории и приводящие к формированию позитивных рецензий в отношении китайцев; во-вторых, это политические соображения правительства, пытающегося поставить под контроль распространение китайского влияния, и влиявшие на распространение проекций образа Китая и китайцев, в которых они могли выставляться и как «друзья» и как «враги».

Четвёртый период эволюции восприятия Китая на территории Байкальского региона характеризовался распространением в сознании населения монообразов, полностью зависимых от идеологии и одинаково воспринимаемых на всех уровнях общественного сознания, что стало возможным благодаря господству тоталитарного режима на территории России (так же как и на

территории Китая). Политические события тогда оказывали определяющее влияние на содержание и смену оценок Китая в образах и мифах [31, с. 71]. Как подтверждает М. В. Пряженникова, в 20-е гг. XX в. китайцы пользовались покровительством советской власти, которая определяла их в качестве национальных меньшинств [23, с. 101] и конструировала образы борцов с Цинской династией и сторонников КПК [27]. Но к 30-м гг. всё изменилось по причине того, что пришедшее к власти в Китае гоминьдановское правительство инициировало гонения на русских. В свою очередь в советской прессе была открыта кампания, проецирующая образы, направленные на дискредитацию «реакционного режима Чан Кайши» [16, с. 188]. Затем в 1937 г. правительство Советского Союза закрыло границу с Китаем, после чего последовало решение о высылке всех китайцев на родину [23, с. 101]. Не могло быть речи о конструировании и распространении позитивных образов Китая и китайцев во время и сразу после Второй мировой войны.

Однако позитивное распространение и восприятие образа Китая стало характеризовать советско-китайские отношения с 1949 г. до начала 60-х гг. XX в. В эти годы к власти в Китае пришла Коммунистическая партия под руководством Мао Цзе Дуна, что, по мнению сталинского руководства, свидетельствовало о переходе Китая на путь социалистического строительства, которое должно было осуществляться при поддержке «старшего брата» в лице Советского Союза. Образы советской пропаганды доказывали, что КПК «при помощи Советского Союза в 1949 г. стала строить социалистический строй в своей стране» [27]. Наиболее запоминающаяся проекция образа дружбы между нашими странами, относящаяся к этому времени, отразилась в песне «Москва – Пекин» и плакатах, где Мао Цзе Дун изображен вместе с И. В. Сталиным [16, с. 216]. Во второй половине 50-х годов на начальном этапе «хрущевской оттепели» двери СССР ещё были открыты для китайских студентов. Однако затем наступила эпоха конфронтации, связанная с неприятием Мао Цзе Дуном нового курса Н. С. Хрущева. В это время происходит разворот китайской политики трансляции образов СССР от образа «старшего брата» к образу «социал-империалиста» [16, с. 216], что отразилось и на распро-

странении негативных образов в отношении Китая на территории нашей страны [6]. Наиболее запоминающимся образом этого периода являются описания событий на полуострове Даманском, в отношении которых в Китае была распространена мифологема под названием «Долой новых царей!». Осуществляя пропагандистскую кампанию против СССР, Китай распространял образ советской армии, устраивающей кровавые инциденты на китайской границе. В советской прессе проецировались образы «китайского этнического бандитизма», сформулированные в таких статьях, как, например, «Позор провокаторам!» [25, с. 164]. Начиная с этого времени в средствах массовой информации велась кампания, направленная на формирование у населения региона устойчивого антикитайского синдрома [31, с. 71].

Таким образом, процессы рецепции образов Китая в советский период отличались тем, что полностью зависели от политики государства. Она была очень противоречива и как справедливо отмечает А. Г. Ларин, руководство СССР использовало в зависимости от политических обстоятельств практику проецирования двух образов китайцев: образ «опасного китайца» и образ «трудолюбивого и послушного китайца». При этом обращение к практике проецирования образа «опасного китайца» означало, что правительство обнаруживало симптомы слабости на восточных рубежах [14, с. 24]. Вместе с этим интересно то, что и тогда взаимодействие между нашими странами не прерывалось, на что обратил внимание В. Л. Ларин, который зафиксировал, что «отношения между Китаем и Россией были и остаются формой межцивилизационного контакта» [15, с. 283].

В настоящее время продолжается пятый период эволюции рецепции образов Китая российским населением Байкальского региона. Он связан с развалом СССР и строительством государства, которое стремится к развитию российско-китайских отношений. Они характеризуются устойчивой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой взаимодействия. Несмотря на это, а также на то, что Китай ещё в 1989 г. провозгласил лозунг о том, что необходимо «закрыть прошлое – открыть будущее» [26, с. 103], проблемы, связанные с конструированием неоднозначной образности сопровождают русско-китайское взаимо-

действие [5]. Китай подвергается многочисленным нападкам, среди которых большое место занимают негативные проекции, такие как «рабы, трудящиеся за копейки» или «пустые города среди пустыни», или «торжествующие на руинах российских городов, солдаты народно-освободительной армии Китая» [7]. С другой стороны, распространяются образы, в которых эта страна оценивается в контексте отношений добрососедства и стратегического партнерства. В это время всё большее влияние на массовую аудиторию начинают оказывать образы, которые проецируются со стороны Китая. Они формируются через реализацию «принципов культурной дипломатии» и в контексте «политики мягкой силы» [17, с. 291]. Как отмечает Н. А. Абрамова, основное стремление Китая заключается в наращивании такой культурной силы, которая способна сформировать элиту «китаецентристской направленности» в некитайских сообществах, проживающих, в частности, в России [1, с. 73].

Таким образом, формирование образов Китая в сознании российского населения на территории Байкальского региона обусловлено рядом факторов, среди которых выделяются геополитические характеристики региона, занимающий пограничное положение между Россией и её культурой и языком, и Китаем, чьё влияние является преобладающим в Центральной Азии. Необходимо обратить внимание, что феномен «границы культур» на данных территориях является не только преградой, но в первую очередь зоной контакта различных цивилизаций, что и является основной причиной процессов интенсивного конструирования и воспроизводства образов Китая среди россиян.

Среди российского населения Прибайкалья и Забайкалья указанные процессы исторически зависят от двух разнонаправленных факторов. Первый из этих факторов обусловлен явлением российско-китайского межкультурного взаимодействия в условиях приграничного региона. Вторым зависим от политической конъюнктуры и начинает проявляться в периоды обострения взаимных отношений и войн между Россией и Китаем. Взаимодействие этих разнонаправленных сил очень редко сводилось к конструированию упрощённой дихотомии «Свой–Чужой» в сознании россиян за Байкалом и чаще воспроизводило более сложные по составу образы.

Подведём итоги статьи:

1. Анализ процессов восприятия образов Китая и китайцев россиянами, проживающими в приграничном Китаю Байкальском регионе, показал, что в идейном пространстве этого региона распространено большое количество образов Китая, представленных проекциями, которые конструировались и распространялись среди населения, и рецепциями, которые население воспроизводило в своем массовом сознании. Взаимодействие этих разнонаправленных сил очень редко сводилось к воспроизводству образов, основанных на дихотомии «Свой–Чужой» и чаще занимало промежуточные позиции.

2. На сферу обыденного сознания населения Байкальского региона оказывали влияние, во-первых, те русские, которые, побывав за китайской границей, выполняли функцию репрезентации образов китайской культуры. Во-вторых, китайцы, переносившие элементы своей культуры на российские территории. В-третьих, в определённые периоды и исторические моменты могли преобладать политические мотивы, исходящие из российского центра. Они, как

правило, служили основанием для формирования монообразов Китая, выступавших в зависимости от политической линии правительства в качестве «Друга», либо в качестве «Врага». В четвёртых, начиная со второй половины XX века Китай предпринимает усилия, направленные на конструирование и распространение образов Китая и китайцев на соседние регионы, что на территории России стало ощутимым начиная с 90-х гг. XX в.

3. Исследование доказало, что наиболее значимыми источниками конструирования образов Китая среди русских Байкальского региона в период XVII–XX вв. были утилитарно-бытовые интересы населения российско-китайского приграничья, так как на сознание русских Байкальского региона чаще всего влияли практические и естественные, региональные факторы, формирующие историческое многообразие образов Китая.

Практическое значение статьи заключается в утверждении необходимости учёта этого факта при планировании стратегий конструирования и распространения образа Китая на приграничные с ним территории.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Китайская культура и её трансляция в социокультурное пространство России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3 (52). С. 68–73.
2. Бузмакова О. В. Образ Китая и китайцев в современном русском православном сознании: дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2008. 186 с.
3. Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 212 с.
4. Васильев В. П. Китайцы новые подданные России // Восточное обозрение. 1884. № 2. С. 1–2.
5. Виноградов А. Информационные войны. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_27135/ (дата обращения: 12.02.2014).
6. Витковская Г. С., Зайончковская Ж. А. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 80–120.
7. Война – китаец торжествует. URL: <http://www.kp.ru/daily/26111.3/3006176/> (дата обращения: 14.02.2014).
8. Дацышен В. Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX в.) // Диаспоры: Независимый научный журнал. 2001. № 2–3. С. 36–52.
9. Забияко А. П., Аниховский С. Э., Кобызов Р. А. Исследовательский проект «Этническое самосознание русских и китайцев в Дальневосточном регионе» // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 50–57.
10. Забияко А. П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 422–429.
11. Клеменц Д. К вопросу о пограничных делах // Сибирская газета. 1888. № 32. С. 4–5.
12. Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики: сборник научных статей. М.: Наука, 1982. 264 с.
13. Кружалина А. А. Образ Китая и Китайского народа на страницах сибирской прессы в исторической ретроспективе // Россия и Китай: перспективы сотрудничества: матер. II Междунар. науч. практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2012. С. 53–59.

14. Ларин А. Г. Ретроспектива: китайцы в России // Миграция. 1997. № 1. С. 21–24.
15. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
16. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад, 2007. 598 с.
17. Лю Гучан. О внешней политике Китая и китайско-российских отношениях. СПб: Изд-во СПбГУП, 2008. 44 с.
18. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. 378 с.
19. Осокин Г. М. Московия на Востоке. М.: ДИ Танаис, 1996. 221 с.
20. Петров А. И. Китайская историография истории китайцев в Царской России: краткий очерк // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 141–155.
21. Поход в Китай. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/> (дата обращения: 15.02.2014).
22. Процесс аккультурации албазинцев. Русская православная церковь в жизни албазинцев. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/albasin/2_2_ru.htm (дата обращения: 14.02.2014).
23. Пряженникова М. В. Особенности культурных процессов в Забайкалье и Северном Китае в 1920–1930 гг. // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 99–103.
24. Русско-китайский пиджин. URL: <http://encyclopaedia.bigru.ru/> (дата обращения: 14.02.2014).
25. Рябушкин Д. С. Мифы Даманского. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 396 с.
26. Соловьева Е. В. Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // Ойкумена, 2009. № 1 (8). С. 99–107.
27. Спорная Курильская гряда, и что рассказывают о Китае российские учебники истории – в обзоре китайских электронных СМИ. URL: <http://articles.chita.ru/27830/> (дата обращения: 12.02.2014).
28. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: сборник речей и выступлений. М.: Молодая гвардия, 1991. 416 с.
29. Уфимцев Ю. Китайские слова в русском языке: есть и такие! URL: <http://www.asia-data.ru/?lang=ru&id=2970> (дата обращения: 12.02.2014).
30. Щебенков Б. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М.: АН СССР, 1960. 237 с.
31. Янков А. Г. Синофобия – русофобия: реальность и иллюзии // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 65–71.

References

1. Abramova N. A. Kitaiskaya kul'tura i ee translyatsiya v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2010. № 3 (52). S. 68–73.
2. Buzmakova O. V. Obraz Kitaya i kitaitsev v sovremennom russkom pravoslavnom soznanii: dis. ... kand. filoz. nauk. Blagoveshchensk, 2008. 186 s.
3. Buraeva O. V. Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Baikalskogo regiona v XVII – nachale KhKh vv. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2005. 212 s.
4. Vasil'ev V. P. Kitaitsy novye poddannye Rossii // Vostochnoe obozrenie. 1884. № 2. S. 1–2.
5. Vinogradov A. Informatsionnye voyny. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_27135/ (дата обращения: 12.02.2014).
6. Vitkovskaya G. S., Zaionchkovskaya Zh. A. Novaya stolypinskaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii: nadezhdy i realii // Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: mezhsranovye vzaimodeistviya. M.: Moskovskii Tsentr Karnegi, 1999. S. 80–120.
7. Voina – kitaets torzhestvuet. URL: <http://www.kp.ru/daily/26111.3/3006176/> (дата обращения: 14.02.2014).
8. Datsyshen V. G. Formirovanie kitaiskoi obshchiny v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX v.) // Diaspory: Nezavisimyi nauchnyi zhurnal. 2001. № 2–3. S. 36–52.
9. Zabiako A. P., Anikhovskii S. E., Kobyzov P. A. Issledovatel'skii proekt «Etnicheskoe samosoznanie russkikh i kitaitsev v Dal'nevostochnom regione» // Rossiya i Kitai na Dal'nevostochnykh rubezhakh. Blagoveshchensk: AmGU, 2001. S. 50–57.
10. Zabiako A. P. Etnicheskoe soznanie kak sub'ektivnyi faktor vzaimootnoshenii Rossii i Kitaya: teoreticheskie i prikladnye aspekty // Rossiya i Kitai na Dal'nevostochnykh rubezhakh. Blagoveshchensk: AmGU, 2002. S. 422–429.
11. Klements D. K voprosu o pogranychnykh delakh // Sibirskaya gazeta. 1888. № 32. S. 4–5.
12. Konfutsianstvo v Kitae. Problemy teorii i praktiki: sbornik nauchnykh statei. M.: Nauka, 1982. 264 s.